

Восточно-Сибирская правда
г. Иркутск

18 ОКТ 1987

Завтра

в нашей

области

начинаются

Вампиловские

дни,

посвященные

50-летию

драматурга

Владимир Андреев — народный артист СССР, режиссер Малого театра Союза ССР. Он был главным режиссером московского театра им. Ермоловой когда там ставились пьесы А. Вампилова «Старший сын», «Прошлым летом в Чулимске», «Утиная охота», «Стечение обстоятельств». Свои воспоминания, отрывок из которых мы предлагаем читателям, он написал для второго тома собрания сочинений А. Вампилова.

КОГДА МОЛЧАНИЕ КРАСНОРЕЧИВЕЙ

Прикоснувшись к творчеству Вампилова, я понял, что средствами искусства можно очень своеобразно, неназойливо образно и тонко размышлять о главном: о формировании человеческой природы. И сегодня, размышляя о творчестве А. Вампилова, думаю о том, как своеобразно, неповторимо способен он был раскрывать человеческий мир, который, может быть, кому-то и покажется маленьким, узким (кто-то называл творческий метод Вампилова неосторожным увлечением микромиром), но я убежден, что невозможно построить всего, к чему стремимся, если не будет столь внимательного, подобного вампиловскому, отношения к душевному строю каждого человека. Ведь в идеале любой человек — личность со своими особенностями, тесно связанная с духовным проявлением окружающих людей, и эта личность формируется средой и ею же разрушается. Распознать это, изучить и попытаться выразить средствами сценического искусства, думается, задача столь же прекрас-

ная, сколь и сложная, и ее, создавая «Прошлым летом в Чулимске», по мере сил мы старались решить.

Помнится, я не мог пропустить ни одного спектакля «Чулимска» и всегда внимательно слушал текст. Иногда с тревогой чувствовал, что некоторые артисты не рождали слова, а повторяли их, следуя однажды найденным интонациям, и подробность сценического поведения возникала как готовый результат вне процесса, а некоторые попросту шли на поводу у зрительской реакции.

Чтобы уйти от этого, решили анализировать после окончания спектакля все, что было в этот вечер, не уходя со сцены. Прослеживали весь путь только что окончившегося спектакля, чтобы не «одичать». Снова вспоминал я это выражение Вампилова в связи с его рассказом о том, как в одном из театров «Чулимск» задумывали сыграть на части глобуса. Глобус, а под глобусом подмостки. Вампилов говорил: «Я сидел и думал, удержатся ли до конца спектакля или начнут падать. Не падали, скользили, но не падали». Помолчав, добавил: «Одичали».

Думается, что Вампилов уверенно и последовательно развивал реалистические тенденции отечественного искусства, и потому всякого рода не подкрепленные жизненной основательностью формальные изыски несвойственны его драматургии, уж очень крепко он стоял на земле, глубоко корнями творчества уходил в то, что называется подлинной жизнью...

Помню, закончились гастроли во Владивостоке.

Я вдруг понял, что со спектаклем ничего не получится, его не будет, если я не побываю на могиле Саше. Лечу из Владивостока через Хабаровск в Иркутск. Мы с Ольгой, Саниной женой, идем к Шугаеву. Он говорит: «Сейчас я ничего рассказывать не буду, не могу,

и любим не только нами, неповторимый талант его продолжает шествовать по сценкам мира и бороться за человеческие сердца.

Иногда произносим мы со сцены громкие, высокие, очень правильные слова, а они возвращаются обратно на сцену, никого не задев, не ранив, не будоража. Потому что, как сказал А. Горький устами одного из своих персонажей, «человек — подлец, ко всему привыкает». Привыкает он и к тому, что, приходя на работу, видит транспарант с лозунгом «Повышайте производительность труда!» Если он честен, если он совестлив — он и так повышает ее, как может, без всякого транспаранта. А написанных слов, ставших давно привычными, он просто не замечает или в лучшем случае механически прочитывает и тут же забывает о них. Так бывает и в театре. Если автор устами своих героев прямо, в лоб, «убивает» зрителя нравоучительными сентенциями, если он всех своих персонажей скрупулезно разделил на положительных и отрицательных и при каждом удобном и неудобном случае, боясь, как бы зритель не перепутал и, не дай бог, не посочувствовал «плохому» персонажу, жирно подчеркивает их отрицательность и положительность, если он сам в конце пьесы дает безапелляционные ответы на все поставленные вопросы — что же остается делать зрителю? Слушать вполуха, глядеть вполглаза, раз уж деньги за билет заплачены, и с облегчением забыть обо всем, выйдя на улицу.

Совсем иначе воспринимаются пьесы Вампилова. Они тревожат зрителя, будят его совесть, заставляют любить и ненавидеть, сочувствовать и размышлять. Нет в его пьесах ни безапелляционности, ни категоричности. И слова там произносятся самые простые, и люди обыкновенные, никак не похожие на «героев», а зритель смотрит не отрываясь, с огромным вниманием. В чем секрет? В доверии автора к зрителю. Вампилов как бы подзадоривает зрителя — ну-ка, попробуй, пошевели мозгами, подумай, что это за человек, ам, на сцене, чего он стоит, казнить его или миловать? И зритель понимает, что в этом спектакле он не найдет готовых ответов, что ему самому придется решать, чего стоит тот или иной персонаж, самому оценивать поступки героев, самому делать выводы. Он благодарен автору за доверие, и он честно старается разобраться во всем, чувствует себя в зрительном зале уже не человеком со стороны, а полноправным, активным соучастником спектакля. Уходит из театра не пустой, узнав и поняв нечто для себя новое, что-то решив и о чем-то задумавшись, а это значит — цель достигнута, искусство состоялось.

Вот какие пьесы умел писать Александр Вампилов. Он был удивительно талантлив. Как много все мы ждали от него и как много потеряли с его уходом. Язык не поворачивается сказать: он ушел от нас трагически рано — ведь так говорить и о тех, кому за 50, за 60, а он не дожил даже до своего сорокалетия. Где взять слова, чтобы выразить всю боль и горечь утраты? Это тот случай, когда молчание сильнее всяких слов...

завтра пойдем по Иркутску, расскажу». Мне хотелось сейчас же пойти туда, на могилу, поближе к Саше, а Шугаев не хотел идти на кладбище — я своим неожиданным появлением разбередил их боль. И тогда я сказал, что прилетел всего на сутки, зашел попрощаться. И мы поехали с Ольгой. Когда подошли к могиле, уже стало смеркаться — застывший бугорок земли, увядающие цветы, в углу прислонена глыба камня, не превратившаяся еще в памятник. Место высокое — пока могила Саша была последней, с нее виден весь Иркутск, но уже выстроились рядом новые могилы и заслонили город. Вдруг на нас набрасываются комары, их тысячи, мириады, они летят со всех сторон — и начинают литься слезы то ли от комаров, то ли от тоски, то ли от ощущения невозвратимой дорогой потери...

Сегодня, перелистывая подшивки газет и журналов разных стран, можно еще раз убедиться, что Вампилов понятен